

УДК 101.1:316

Историософская концепция евразийства в контексте проблемы специфики социально-исторического развития России

Павочка С.Г.

Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет», Гродно

Проблема специфики социально-исторического и культурного развития России — одна из центральных тем русского философского мышления XIX — начала XX века. В наиболее заостренной форме концептуализация русского исторического пути и основополагающих спецификаций русской культуры и духовности была представлена евразийством, возникшим в условиях русской эмиграции «первой волны».

Цель статьи состоит в выявлении и анализе формальных и содержательных особенностей евразийского историософского дискурса.

Материал и методы. *В исследовании задействованы конкретно-исторический, сравнительно-аналитический методы, а также общенаучные принципы познания, методы анализа, синтеза, аналогии.*

Результаты и их обсуждение. *В работе обосновано положение о формировании евразийцами целостной концепции русской истории и культуры, основными историческими звеньями которых, помимо славянских, были также и восточные (туранские) элементы, внесшие значимый вклад в формирование специфики русской культуры и духовности и определившие во многом политическую организацию и геополитическую форму реализации континента-океана «России-Евразии». Сохраняя известную степень дискуссионности, данная концепция обладает особой значимостью в контексте идентификационных поисков России и ряда постсоветских стран в условиях современности.*

Заключение. *Обосновано положение о том, что евразийцами была историософски осуществлена радикальная попытка переосмысления оснований русской истории и культуры, реализованная в конструировании их новой генеалогии. Евразийцы явились модернизаторами «русской идеи», предложив ее интерпретации в контексте социально-политической практики начала XX века. Оставаясь во многом противоречивыми и неоднозначно трактуемыми, данные интерпретации тем не менее актуальны для современности своим идеологическим посылом, содержащим в себе как теоретическое обоснование социального единства, так и практические способы достижения интеграции общества.*

Ключевые слова: *евразийство, русская эмиграция, история, социальная философия, культура, идеология, общественное сознание.*

(Ученые записки. — 2016. — Том 21. — С. 95–104)

Eurasian Historiosophical Conception in the Context of the Problem of the Specificity of Russian Social and Historical Development

Pavochka S.G.

Educational Establishment «Grodno State Agrarian University», Grodno

The problem of specificity of Russian social and historical as well as cultural development is one of the central themes of Russian philosophical thinking of the XIXth — early XXth centuries. In the most accentuated form conceptualization of Russian historical way and basic specifications of Russian culture and mentality was represented by Eurasianism, one of the public movements of «first wave» of Russian emigration.

The aim of the work is revealing and analyzing formal and content specificity of Eurasian historiosophical discourse.

Material and methods. *In the study concrete-historical, comparative-analytical methods and general principles of cognition, analogy, analysis and synthesis are used.*

Findings and their discussion. *In the paper the thesis is substantiated that Eurasians formed an original conception of Russian history and culture. Its basic historical elements, except Slavic, are Eastern (turanian) elements. They are very important for forming the specificity of Russian culture and mentality. They determined political organization and geopolitical form of the implementation of «Russia-Eurasia» continent-ocean. This conception is very controversial but it is very important in the context of contemporary Russian and other post Soviet countries identification search.*

Conclusion. *A thesis is substantiate that Eurasians historiosophically presented a new radical re-thinking of historical basis of Russian history and culture in the form of construction of their new genealogy. Eurasians modernized «Russian idea» though its interpretation in the context of social and political practice at the beginning of the XXth century. This interpretation is very topical today thanks to its ideological basis that includes theoretical substantiation of social unity and practical ways of society integration.*

Key words: *Eurasianism, Russian emigration, history, social philosophy, culture, ideology, public consciousness.*

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 21. — P. 95–104)

Адрес для корреспонденции: e-mail: pavochka_sergey@mail.ru — С.Г. Павочка

Проблема специфики социально-исторического и культурного развития России — одна из центральных тем русского философского мышления XIX — начала XX века. В наиболее заостренной форме концептуализация русского исторического пути и основополагающих спецификаций русской культуры и духовности была представлена евразийством, возникшим в условиях русской эмиграции «первой волны».

Цель статьи состоит в выявлении и анализе формальных и содержательных особенностей евразийского исторического дискурса.

Материал и методы. Источниковая база исследования представлена трудами мыслителей-евразийцев по философии, культурологии, русской истории, а также рядом современных адресованных евразийству аналитических публикаций. В нем задействованы конкретно-исторический, сравнительно-аналитический методы, а также общенаучные принципы познания, методы анализа, синтеза, аналогии.

Результаты и их обсуждение. Осмысливая пути исторического развития России, евразийцы исходили в определении смысла русской истории из значительной роли в ней «туранского» элемента. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский предложили масштабные реконструкции исторического прошлого России и в их контексте попытались представить ее настоящее и дальнейшие исторические перспективы. «У нас создавалась, — писал Г.В. Вернадский, — искривленная историческая схема мировой истории. Германско-романская Европа нам представляется основным стержнем исторического процесса» [1, с. 253]. Представление это детерминировано бурным ростом европейской культуры XV—XIX веков. В действительности же культурная гегемония Европы представляет собой явление временное и ограниченное. Преимущественными доминантами европейской культуры стали развитие опытного естествознания и техники, промышленной, военной и политической жизни. Прогнозы ее исторической перспективности и дальнейшего прогресса в XX веке для евразийского историка не столь очевидны. Более того, среди германско-романских народов выдвигаются к жизни новые образования: англо-саксонская Америка, испано-португальская Америка. Мыслитель предчувствует и колоссальные исторические сдвиги народов Азии, Африки — индусов, китайцев, японцев, монголов, турок и т.д. Аналогии подобных исторических сдвигов можно отыскать в прошлом. Так, к примеру, «падение римской империи» вывело средиземноморский греко-римско-сирийский и

европейско-арабский миры на соприкосновение их с миром среднеазиатских и южнорусских кочевников. Сопровождавший данное соприкосновение «регресс» материальной культуры Средиземноморского мира был «прогрессом» в плане грандиозного расширения самих культурно-исторических и географических рамок. Волны кочевников, следующие друг за другом из черноморских степей и из глубин континента, часто выступали посредниками между цивилизацией и средиземноморской культурой и дальнеазиатскими культурами Китая и Индии. Кроме этого, кочевники несли с собой и достижения собственной культуры, выразившиеся, в частности, в сфере искусства. При этом материальная культура «римской империи» была бессильна перед напором культуры новых народов — «варваров». Обуздать разбушевавшиеся исторические стихии смог лишь духовный подъем средневековой эпохи, связанный с зарождением новой религии — христианства. Церковь явилась связующим звеном между средиземноморским миром и миром «варваров», и через нее элементы «варварской» цивилизации были включены в жизнь как народов, входивших ранее в состав Римской империи, так и варварских народов. Центр церковного (религиозного) влияния продвигался далее на Восток: «Первый церковный “Рим” был в старом средиземноморском Риме, Второй, Новый Рим, был уже на рубеже Европы и Азии, на Босфоре, в Византии. Третий Рим был еще дальше на восток, в недрах восточной, монгольской, Руси — в Москве» [1, с. 254].

На Западе, в мире германско-романской Европы, победило латинство, на Востоке — в мире Иранской Азии и турецкой и монгольской степи — несторианство. Византия стала центром Православия в Средние века. Вся история Византии так или иначе была связана со степным Востоком, с ним же был связан и ранний период истории Киевской Руси. «Стихия степи» — печенеги, половцы, турки, берендеи, черные клобуки — то враждовала с греческим и русским мирами, то в отдельных случаях и в разных комбинациях выступала их союзниками.

Русская цивилизация и культура постепенно включали в себя византийские (греко-восточные) влияния, а также влияния цивилизации и культуры степных кочевников, заимствуя у них одежду, оружие, эпос, военный строй и образ мысли. В этом плане монгольское нашествие XIII века, по убеждению Вернадского, не было чем-то принципиально новым. Оно было очередной глубинной материальной волной, но волной необычайной

силы и степени напряжения. Евразийский историк признает, что эта волна накрыла русский мир, в особенности его восточную половину. Но она же положила и новую основу русско-византийских отношений, когда началось подчинение русских земель Востоку. Для большинства, замечает Вернадский, «монгольское иго» ассоциируется с отрывом русских земель от Европы. В действительности «иго» имело и другую сторону: «Если “монгольское иго” способствовало отрыву русской земли от Европы..., то, с другой стороны, то же “монгольское иго” поставило русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими перифериями материка» [1, с. 255]. Русские земли оказались включенными в систему мировой монгольской империи, подлинно мировой характер которой осознан еще явно недостаточно. К подобным империям с мировым значением Вернадский относит Римскую империю времен Траяна, Византийскую империю Юстиниана и Василия II. Последняя была разрушена крестоносцами-латинянами в 1204 г. Средневековые латинские империи не имели мирового значения. Империя Карла Великого была провинциально-европейской, Константинопольская империя Балдуина не обладала даже и этим значением. Мировая задача объединения культур Запада и Востока, земледельческой морской и степной культур была реализована Римом и Византией. В начале XIII столетия эта роль отошла от Византии к империи монголов, вобравшей в себя круг земель и народов, значительно больший, нежели Рим.

Как империи Рим и Византия были выстроены на системе средиземноморского очага цивилизации, т.е. на земледельческой морской и степной основе культуры. Монгольская империя включила в себя два очага цивилизации – земледельческий и морской – Китай, земли Византийской империи (Малая Азия, Кавказ, Крым, Балканы). Для византийско-римской империи был свойственен земледельческо-морской тип социальной организации, из которого она вступила во взаимодействие с типом кочевническо-континентальным. Монгольская империя центр тяжести имела в кочевническом мире, боковыми ее ветвями стали земледельческие очаги Китая, Малой Азии и Балкан.

Для русских земель связь с Византией была по преимуществу культурной, в политическом аспекте она не оказала, за исключением церковных отношений, существенного влияния на политические отношения русских земель. Однако эта культурная связь суще-

ственно ослабла в связи с падением Византии и захватом Константинополя крестоносцами. В результате монгольского завоевания Русь подпала под власть Монгольской империи, которая не затронула сферу церковных отношений. Подчинение Чингисхану имело исключительно важные политические следствия: Россия оказалась включенной в огромный исторический мир от Тихого океана до Средиземного моря: «Политический состав этого мира наглядно рисуется составом великих монгольских курултаев XIII века: в этих курултаях участвовали (помимо монгольских князей, старейшин и администраторов всей средней, северной и восточной Азии) русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконийские (сельджукские) султаны, моссульские аттабеки и прочие. К центру монгольской власти должны были тянуться люди из разных концов Материка по своим разным делам – административным, торговым и тому подобным» [1, с. 257].

Северо-восточная и юго-восточная Русь на продолжительное время вошла в состав улуса Джучи. Оставшиеся русские земли уже в середине XIV века оказались под властью Запада. Сохранив во многом свои культурные начала, вошедшие в состав Польского, Литовского и Венгерского государств русские земли утратили собственную национально-государственную культуру. Основное русло исторического процесса развития русской государственности локализуется Г.В. Вернадским не в западной, охваченной латинством Руси, а в Руси восточной, захваченной монголами. Несмотря на то, что монгольское государство было иноплеменным, оно тем не менее выступало в качестве мировой империи, а не провинциального государства. Эта империя не препятствовала внутренней культурной жизни частей, она воевала с Литвой, Венгрией, Польшей, которые, в свою очередь, и были главными неприятелями русского народа. Выступив впервые в 1380 г. на Куликовом поле против Сарая, Москва устояла, но устояла бы ли она в те годы, выступив против Литвы, – неизвестно, заключает Г.В. Вернадский.

Монгольство не было воинственной религиозной системой, оно представляло собой преимущественно систему культурно-политического порядка и несло с собой гражданско-политические законы (яса Чингиса), а не религиозно-церковные установления. Латинство, напротив, несло в себе воинственный религиозный потенциал, выраженный в необходимости подчинения себе православной веры русского народа. Более того,

постановка знака равенства между понятиями «татарин» и «мусульманин» не всегда правомерна. Первоначальная монгольская волна не была мусульманской. Только спустя четыре десятилетия после битвы на Калке хан Золотой Орды Берке принимает мусульманство (1260). Монгольская держава сделала основным своим принципом веротерпимость и покровительствовала всем религиям. Создавшие эту державу первые монгольские армии состояли в том числе и из буддистов, и христиан (несториан). Именно во время правления Даниила Галицкого и Александра Невского они нанесли удар мусульманству, взяв в 1258 г. Багдад. Православная церковь в России, по убеждению Вернадского, сохранила за собой полную свободу деятельности, а в ханской власти она обрела серьезную поддержку, оформленную особыми ярлыками (жалованными грамотами) ханов. Так, например, Александр Невский не опасался монголов, рассчитывал на их помощь. Его подчинение монголам было вынужденным, но не механическим: «Александр увидел в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность от латинского Запада» [2, с. 230].

Распад Монгольской империи привел к образованию нескольких государств. Большинство из них слилось со старыми государствами, на базе которых возникали монгольские новообразования (монгольская династия Кубилая в Китае (1260–1368); монгольская династия Хулагу в Персии (1256–1334). Улус Джучи не сливается с русским государством, сохраняются два центра – Москва и Сарай. Дальнейшее политическое ослабление Сарая привело к возвышению Москвы, и царство Джучидов распадается на две части – Золотую Орду и великое княжение Московское. Хотя исторический сценарий, замечает Вернадский, мог быть осуществлен и иначе: «стихия степи» могла получить преобладающее значение, захватить и переработать внешние и внутренние силы обеих половин улуса – татарской и русской, следствием чего могло явиться становление Золотой Орды если и не прямо русским, то, по крайней мере, монголо-русским государством, аналогично монголо-китайскому, монголо-персидскому, литовско-русскому государствам. Основой для слияния в новых монгольских государствах был религиозный вопрос. Монгольская правящая аристократия часто принимала веру большинства населения страны. В качестве примера здесь можно привести рецепцию монголами буддизма в Китае, ислама в Персии. И если бы, заключает

евразийский историк, монгольские ханы перешли на православие, то не Москва, а именно Сарай сохранил бы за собой статус духовного и культурного центра русских земель.

Г.В. Вернадский предметом исторического познания полагал «историческое действие народа». Связь народа и создаваемого им государства, народа с пространством (его месторазвитием) далеко не случайна, несмотря на то, что сам исторический процесс стихийен и приводится в движение глубоко заложенными в нем силами, которые лишь в незначительной степени зависят от субъективных ожиданий людей. «Жизненная сила», обнаруживаемая евразийским историком в каждой народности, всегда стремится к своему максимальному проявлению. Любая народность при этом, осваивая специфический тип своего месторазвития, оказывает обратное физическое и психическое давление на окружающую физическую и географическую среду. Поэтому как создание государства народом, так и «усвоение» им территории поставлены в зависимость от силы этого давления и силы встречаемого сопротивления. История является собой чередование «подъемов» и «депрессий», периодическую ритмичность государствообразующего процесса. В этом плане русский народ занял собственное место в истории благодаря тому, что обладал исключительной способностью к освоению доставшейся ему географической среды. Степень давления на окружающую среду и степень сопротивления, противопоставляемая окружающей средой, являются основными элементами русской истории. По этой причине «внутреннее развитие» самой русской народности необходимо соотносить с внешней исторической (географической, этнической и т.д.) средой, выступившей предпосылкой и фактором развития России. Указывая на отсутствие «естественных границ» между «Европейской» и «Азиатской» Россией, евразийцы отрицали наличие двух России – «Европейской» и «Азиатской», констатировали существование одной России-Евразии как наделенной естественными границами географической области, освоенной русским народом в стихийном процессе его исторического движения.

Одним из истоков формирования русского государства выступает у евразийцев татарская государственность. Вместе с тем она – не единственный источник его возникновения. Как внутреннее содержание, так и идеологическое обоснование русской государственности невозможно объяснить исключительно ссылкой на «туранский» элемент. В содержательном плане русская государственность

определяется и другими составляющими, не находящими прямых аналогий в рассматриваемых евразийцами восточных моделях государства: византийским наследием и православием. Согласно мыслителям, подъем православно-религиозного чувства в эпоху монголо-татарского ига способствовал трансформации татарской государственности в русскую. Православие «облагородило» татарскую государственность, придало ей религиозно-этический характер, сделало ее своей через «обрусение и оправославление» татарщины. В оценках евразийства татарское нашествие на Русь представлено как очередная школа жизни. Не отрицая факт татарского ига, евразийцы полагали, что оно способствовало политическому объединению русских земель. Россия вышла из-под ига государством, спаянным внутренней духовной дисциплиной. Открыв дорогу «европеизации» русской жизни, петровская эпоха стала, по их мнению, очередным игом в истории российского государства. Из этой эпохи Россия вышла в начале XX века в форме СССР, а сам большевизм был ни чем иным, как результатом двухсотлетнего ига романо-германской «европеизации». Сопоставляя исторический опыт ига татарского и ига европейского, Трубецкой предлагал их оценивать по плодам: по содержащимся в них идеалам и их осуществлением в действительности. Сравнительный анализ указанных периодов русской истории однозначно свидетельствует, по его мысли, о том, что татарская школа привнесла с собой больше положительного, нежели опыт приобщения России к Европе.

Россия-Евразия, указывал П.Н. Савицкий, есть целостное и обособленное «месторазвитие» [3, с. 222]. Сам этот термин имел в основе естественнонаучную аналогию: месторождение полезных ископаемых, местоформирование почв, местопроизрастание растительных сообществ, местообитание животных сообществ, месторазвитие человеческих обществ. Данный ряд позволяет выделить сходные моменты в самых различных явлениях неорганического и органического миров. Установление этого ряда отсылает к «связи наук» и их синтезу: «Чтобы приблизиться в пределах скромных человеческих возможностей к цельному пониманию мира, нужно приводить в соприкосновение данные различных наук» [3, с. 222]. Указанное соприкосновение обращено евразийцами к социально-историческому миру и позволяет воспринимать его и отдельные его части как общежития «широкого порядка», выстраиваемые на основе «генетических вековечных связей» между растительным, животным и минеральным царства-

ми, с одной стороны, человеком, его бытом и духовным миром — с другой. Перечисленные компоненты взаимно приспособлены в общежитиях друг к другу, оказывая воздействия на внешнюю среду. Социально-историческая среда и ее территория сливаются в единое целое — географический индивидуум, или ландшафт. Социально-историческая среда немыслима вне территории в чистом виде. Поэтому, не зная свойств территории, нельзя ничего понять в «образе жизни» общества.

Введение в общественное знание термина «месторазвитие» имело своей целью подчеркнуть связь явлений различного порядка, а также связь социально-исторической среды с внешней обстановкой. При этом в Евразии начала «месторазвития» преобладают над началом «генетической близости» [3, с. 226]. Категория месторазвития позволила П.Н. Савицкому обосновать новую отрасль знаний — геософию как синтез географических и исторических начал. Смычка географии и истории предполагала наложение на сеть географических признаков сети признаков исторических, характеризующих Евразию как особый мир. И это наложение показывало, что черты национального характера, особенности хозяйства образуют известные «параллелизмы» сети географических размышлений. Геософский анализ истории приводил евразийцев к выводу о том, что отдельным месторазвитиям присущи определенные формы культуры, независимо от их «генетической близости» или «расового смешения». Поскольку культура является принадлежностью месторазвития, то каждая социальная среда стремится приспособить месторазвитие к себе. Процесс приспособления осуществляется двумя путями: 1) непосредственно путем взаимодействия между социально-исторической средой и ее обстановкой; 2) путем взаимодействия, опосредованного культурой, ранее созданной в данном месторазвитии. Примерами здесь могут являться «китаизация» народов, проникавших в китайское месторазвитие; «индуизация» пришельцев в Индию, «иранизация» и др.

Понятие месторазвития евразийцы пытались сомкнуть с понятием культурно-исторического типа Н.Я. Данилевского. Им импонировала мысль позднего славянофила о разнообразии форм исторической жизни по культурно-историческим типам, или цивилизациям. Каждый культурно-исторический тип евразийцы соотносили с месторазвитием, а ряд выявленных Н.Я. Данилевским типов они продолжили и замкнули евразийским культурно-историческим типом. Развивая ге-

ософские построения, мыслители дистанцировались от крайних форм географического материализма (монизма), непосредственно редуцирующего человеческую историю и жизнь к географическим началам. Концепция месторазвития включала в себя признаки множественности форм человеческой истории и жизни и, наряду с географическим, позволяла выделить ни к чему не сводимое духовное начало жизни: «Живым ощущением материального не ослабляется, но усиливается живое чувствование духовных принципов жизни» [3, с. 232]. И только в контексте этих принципов для евразийцев было возможно «целостное понимание мира».

«Месторазвитие» народа, представляя собой определенную географическую среду, налагает печать собственной особенности и на человеческую жизнь, осуществляющуюся в данной среде. Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некоторое единое целое, взаимно определяя друг друга. Евразия представляет собой подобное «большое месторазвитие», целый географический мир. И именно в границах подобного месторазвития могли образоваться такие крупные социальные единицы, как Скифская, Гуннская, Монгольская и Российская империи. В ходе образования последней русское племя не просто воспользовалось предпосылками евразийского месторазвития, но и создало, по мнению Г.В. Вернадского, себе для будущего Евразию в качестве единого целого, приспособив к себе географические, хозяйственные и этнические условия Евразийского континента: «История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также и приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа» [4, с. 27]. В движении русского племени на Восток евразийцы усматривали не «империализм» и не следствие политического честолюбия русского государственного движения, а неустранимую внутреннюю логику «месторазвития».

Последовательный ряд попыток создания единого евразийского государства отражает известную периодическую ритмичность государствообразующего процесса. Основа его исторической периодизации коренится в соотношении между «лесом» и «степью», взятых в совокупности природного и историко-культурного значения. В этом процессе Г.В. Вернадский особо выделяет два богатых исторических наследия: византийское, образовавшее основу православной государственности («идея»), и монгольское, высту-

пившее непосредственным источником евразийской государственности («плоть»). До X века попытки объединения леса и степи шли в пространстве Евразии задолго до самостоятельного исторического выявления русского народа. Осуществлялись они как со стороны лесного Севера, так и со стороны степного Юга. Конкретными их инициаторами выступали скифы, готы, гунны. В условиях обособления славяно-русской народности инициатива объединения перешла к степи в лице хазар, затем она оказалась в руках варяго-русских князей. Особая роль в этой инициативе леса принадлежит князю Святославу Игоревичу, стремившемуся объединить течения Днепра (Киев), Нижней Волги (Итиль) и Нижнего Дуная (Переяславец). Год смерти Святослава (972) условно может быть принят за конец первого периода русской истории.

В конце X – середине XIII века связь леса и степи оказалась разорванной борьбой русских князей с печенегами и половцами. Русский народ «сбивается» к лесу, удерживается в пристепье, но не в самой степи (972–1238). Монгольское завоевание (нашествие Батыя) означало конец раздора леса и степи, ознаменовав собой торжество степи над лесом. Подчинение великому монгольскому хану, а затем и хану Золотой Орды привело к формальному объединению русских княжеств, а падение Орды поставило Москву перед необходимостью принять эту власть. Западная Русь отделяется в этот период от Восточной и включается в состав Литвы и Польши.

Москва постепенно становится собирательным центром в мире, образовавшемся в результате распада Золотой Орды. Русская церковь обретает независимость от Византии. Взятие Константинополя турками в 1453 г. и падение Византийской империи существенным образом укрепляют позиции русского церковно-национального самосознания. Русское государство становится единственным и преимущественно православным царством. Основание зависимого от Москвы Касимовского татарского царства является верхней временной границей периода, за которым (1452–1696) следует наступление русского Севера на монголо-туранский Юг и Восток, завершившееся решительной победой леса над степью. В это время происходит завоевание Казани, Астрахани, Сибири. Россия вновь овладевает устьями Дона (взятие Азова Петром Великим в 1696 г.). В 1696–1917 гг. российское государство распространяется до естественных пределов Евразии, объединяя лес и степь. Вместе с тем в этот период отмечается и кризис религиозного сознания русского народа, вызванный «пле-

нением» церковной организации внешними формами светской государственности. Отмечаемое развитие внешних форм культуры не отменяет глубоких и тяжелых потрясений русского духа.

П.Н. Савицкий рассматривал положение России в окружающем мире с позиций исторической и экономической географии. Исторические судьбы и географическая природа Старого Света как определенного целостного единства позволяют ему выделить «противоположение» «окраинно-приморских» областей Старого Света — восточных (Китай), южных (Индия и Иран), западных (Средиземноморье, Западная Европа), с одной стороны, и «центрального» мира — с другой. Последний заполнен «эластичной массой» кочующих степных «турок» или «монголов». Механика истории во многом проясняется наличием этой противоположности. Она же позволяет объемнее взглянуть на соотношение между вырастающим в определенной территории творчеством «окраинно-приморских» сфер и усваивающим результаты этого творчества кочевым миром «степной» культуры.

«Без татарщины не было бы России» [3, с. 59], — писал П.Н. Савицкий. Неверно превозносить культурное развитие дотатарской «Киевской» Руси, которое якобы оказалось искусственно прерванным монголо-татарским нашествием. Евразийцы не отрицали определенных и весьма значительных достижений культуры Древней Руси XI—XII веков, но предлагаемая ими историческая оценка этих достижений являлась достаточно сдержанной. Древняя Русь была отмечена процессом политического и культурного измельчания, происходившего в дотатарский период между первой половиной XI — первой половиной XIII века. Это «измельчание» связывалось со сменой относительного политического единства первой половины XI века хаосом удельной эпохи, сказывалось оно прежде всего в падении материальных возможностей в художественной сфере. В архитектуре оно выразилось в упадке храмостроения. Происходило «сморщивание» и сужение его масштабов в ходе исторической эволюции: «Русь начала XIII века являет картину ничтожества: в сравнении с Западом — различие масштабов, десятикратное, стократное, подлинная “отсталость”, возникшая не вследствие, но до татарского ига» [3, с. 60]. Беспомощность Руси перед татарами не случайна. Она рассматривалась как следствие того элемента неустойчивости и склонности к деградации, которые закономерно вели ее к чужеземному игу. При этом «великое счастье Руси, что в момент,

когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому» [3, с. 60]. Татары были «нейтральной» культурной средой, признававшей «всяческих богов» и терпевшей «любые культуры». Татары пали на Русь как наказание Божье, но не исказили чистоты национального творчества. Если бы Русь была подчинена туркам, зараженным «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытания были бы труднее. Если бы она была завоевана Западом, то осталась бы без души. Татары не подавили духовного существа России. Более того, они содействовали ее политическому оформлению, сообщив России свойство организовываться военно, создавать государственный центр, достигать устойчивости — они дали ей качество становиться могущественной «ордой». В поле всемирной истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, но полярное возникло монгольское ощущение континента. В позднейшей русской практике землепроходства, размахе русских завоеваний отчетливо проступает то же ощущение континента.

Монголы хотя и выступили завоевателями, но, в отличие от русских, не были «колонизаторами». Россию нельзя всецело свести к монгольству. Иго, хотя и способствовало государственной организации России, содействовало еще и раскрытию «дремавших» навыков русского народа. Оно было «горнилом», в котором выковывалось русское духовное своеобразие с основой в виде русского благочестия. В концепции евразийцев Россия предстает как наследница Великих Ханов и продолжательница дела Чингиза и Тимура; как объединительница Азии, сочетающая «оседлую» и «степную» стихии в своей углубленной культурной традиции. В послетатарский период русская народность распространилась на степь, осуществив ее этнографическое и политическое освоение. Московское царство у евразийцев обретает отчетливые признаки татарщины, но теперь это «татарское», как будто, подается не с отрицательным, а с положительным знаком: «Образы Чингисхана и Батыея как то начинают теснить образы Михаила Черниговского и Дмитрия Донского, возникает некая идиллия “русско-татарского единения”, а это чем дальше, тем более двусмысленным делало отношения евразийцев с православием. Разумеется, — отмечает К.Г. Мяло, — я говорю здесь не об их личном исповедании веры, но о геополитических и историософских выводах, которые объективно следовали из их теорий» [5, с. 87].

Связь русских с «туранцами» закреплена не только этнографически, но и антропо-

логически — в русских жилах течет славянская, угро-финнская, тюркская кровь. Связь с «туранским Востоком» отражена в национальном характере русских. Братание и взаимное понимание, легко устанавливаемые между русскими и «азиатами», указывают на наличие невидимых нитей расовой симпатии. В русском национальном характере Трубецкой обнаруживает черты, сильно отличающие его как от угро-финнов и тюрков, так и от славян. Такие черты русского народа, как склонность к созерцательности, приверженность к обрядности русского благочестия, не находят эквивалента в моральном облике славян. Так, русское благочестие лишь формально основывается на византийских традициях, оно чуждо другим православному славянам и может быть связано с неправославным Востоком. Аналогично этому и «удаль», ценящая в героях русским народом, в действительности представляет собой чисто степную добродетель, понятную тюркам, но не понятную ни славянам, ни европейцам. Указанное своеобразие психического и этнографического облика русского народа необходимо учитывать при построении новой русской культуры, «верхние» и «нижние» этажи здания которой должны соответствовать друг другу. Устойчивое отношение между ними существовало до тех пор, пока здание русской культуры венчалось византийским «куполлом». Усилившиеся в «верхах» романо-германские влияния привели к дисбалансу между этажами русской культуры. Византийский «купол» рухнул, обратное движение к византийской традиции было уже невозможным, несмотря на то, что «европеизация» не смогла вытеснить русскую православную церковь. «Византизм» в чистом виде невозможен, поскольку сказываются европеизация и следствия церковного раскола, вызванного реформами Никона. Сам духовный раскол демонстрирует, полагали евразийцы, стремление русской национальной стихии к самобытности, осложняемое тем, что русский народ не имеет собственного культурного «верха» и осуществляет это движение силами «низов».

Историческая миссия России, выраженная в объединении братьев-славян, не замечает, что братьями, если и не по языку и вере, то по нраву, характеру и крови, являются туранцы. Поэтому Россия фактически продолжает историческую миссию Чингиза и Тимура, посредствуя в культурном обмене между отдельными азиатскими странами. В самой ней осуществляется сложный синтез восточных и западных культур. К «туранцам» или «урало-алтайским» народам Н.С. Трубецкой от-

носил пять групп народов: 1) угро-финские народы, распадающиеся по признакам языкового родства на западных финнов (эсты, карелы, собственно финны), лопарей в Швеции и Норвегии, северной Финляндии и России, мордву, черемисов, пермских финнов (зыряне, вотяки) и угров (мадьяры или венгры в Венгрии и Трансильвании, «обские угры», вогулы и остяки северо-запада Сибири). Сюда же относятся и обрусевшие меря, весь, мурома, пещера; 2) самоеды; 3) тюрки (турки-османы), татары (крымские, казанские и др.), мещеряки, тептяки, балкарцы, кумыки, башкиры, киргизы-кайсаки, кара-киргизы, туркмены, узбеки, алтайцы, якуты, чуваша и исчезнувшие хазары, болгары, половцы, уйгуры; 4) монголы, калмыки, буряты; 5) маньчжуры, гольды, тунгусы. Общее имя туранских народов евразийцы выводили преимущественно из общих антропологических и лингвистических признаков, в то время как вопрос об их генетическом происхождении продолжали считать спорным. Общность туранцев была представлена прежде всего как общность психологического типа [6]. Психологическая близость евразийских народов мыслителями не просто декларировалась. Выявлению культурно-психологических оснований евразийского единства были посвящены значительные исследования о роли туранского элемента в русской культуре. Туранский психологический тип реконструировался на историческом материале тюрков, сыгравших наиболее значимую роль в истории Евразии. Рассматриваемый психологический тип анализируется посредством приведения данных лингвистики и достижений духовной культуры. Евразийцы выявили здесь достаточно интересные зависимости и параллели.

Н.С. Трубецкой открывает общие структуры и принципы в совершенно различных областях культурного творчества евразийских народов. Основополагающими началами в тюркской психологии он считал душевную ясность и спокойствие. Мышление и восприятие действительности типичного представителя туранской психики укладывается в простые и симметричные схемы «подсознательной философской системы». Типичный туранец не вдаётся в тонкости и запутанные детали, он оперирует ясно воспринимаемыми образами, группируя их в отчетливые и несложные схемы. В рамки этой схемы помещаются поступки, поведение и быт. Сама «схема» при этом уже не осознаётся, уходя в подсознание и становясь основой всей духовной жизни. Следствием этого является отсутствие разлада между мыслью и внешней действи-

тельностью, догматом и бытом. Мысли, поступки и быт становятся единым, неразрывно связанным целым, определяющим самодостаточность описываемого психологического типа. Данные черты психики должны были бы вести к неподвижности и косности мировоззрения, но, как отмечает Н.С. Трубецкой, устойчивость и стройность системы не исключают возможности дальнейшего творчества, направляемого и регулируемого, правда, подсознательными устоями, благодаря чему результаты творчества естественно и органически включаются в уже сложившуюся систему мировоззрения и быта, не нарушая ее целостности.

Именно туранская психология сообщила евразийской общности культурную устойчивость и силу, содействовала культурной и исторической преемственности, создавала условия для «экономии национальных сил». В допетровской Руси этот психологический тип сыграл положительную роль, обусловив единство жизненного уклада, в котором вероисповедание и быт образовали особого рода целостность («бытовое исповедничество»). Государственная идеология, материальная культура, религия и искусство стали нераздельными частями единой системы, не оформленной теоретически и сознательно не артикулируемой. Данным единством «держалась» старая Русь. Поэтому то, что обычно интерпретируется как «раблепие» народа перед властью, с точки зрения евразийских мыслителей, в действительности является реализацией идеи беспрекословного подчинения как главного принципа туранской государственности.

Основным элементом русской нации евразийцы полагали славянский элемент. При этом «душа» славян стремилась к индоиранцам, а их «тело», в силу определенных географических условий, — к индоевропейцам. Срединное положение славян между Западом и Востоком обусловило как их дальнейшую дифференциацию, так и включение в различные системы социокультурных взаимосвязей. Для Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого основанием локализации славянского элемента в русской культуре выступает язык. Он представлен одновременно и как единственное звено, позволяющее констатировать наличие связи России со славянством. «Славянский характер», «славянская психика», «славянский антропологический тип» и «славянская культура» — мифические и призрачные основания этой связи. Каждый из славянских народов, по убеждению евразийцев, вырабатывал свою культуру отдельно, а культурное влия-

ние одних славян на других не сильнее влияния европейских народов на тех же славян. Кроме того, этнически славяне соотносятся с различными этнографическими зонами. Закономерно, что понятие славянства обретает у евразийских мыслителей не этнопсихологическое, не антропологическое и не культурно-историческое значение. Оно интерпретируется лингвистически. Единственная связь России со славянством — это языковая (лингвистическая) связь. Русский язык трактуется Н.С. Трубецким в качестве модернизированной, обрусевшей формы церковнославянского языка. В этом плане русский литературный язык — преемник общеславянской литературно-языковой традиции, утверждавшейся в России не по причине ее славянской принадлежности, а в силу ее церковного характера. Русская культура в данном отношении выступила как культура-преемница, наследующая традиции византийской культуры, традицию монгольской государственности и церковнославянскую литературно-языковую традицию, которые становились русскими только тогда, когда сопрягались с православием.

Между политикой и экономикой евразийцы обнаруживали определенную связь: экономические задачи русской народности могут быть осуществлены при условии устойчивого политического строя, под «покровом» объемлющего «российского мира» (*рах госсика*): «В начертании последней, — отмечал П.Н. Савицкий, — пусть не прикрепляется наш взор исключительно и только к *рах готана*. Как ни ужасно монгольское владычество в его возникновении и расширении, замирением, наиболее объемлющим из числа известных в истории, была *рах mongolica* — та эпоха, когда “купцы и францисканские монахи” проходили из Европы в Китай, когда русские князья XIII—XIV веков без затруднений (хотя и без удовольствия) путешествовали, с поклоном Орде...» [3, с. 340]. Отношение Руси-России к истории монгольских держав в целом сводится к следующим историческим моментам: 1) в течение двух столетий значительная часть русской народности находится под властью Золотой Орды; 2) в последующие столетия Русское государство является царством-наследником Золотой Орды и относится к той системе государств, которые образовались в результате ее распада. И далее, в XIX веке Россия, по замечанию Савицкого, воспроизводила и даже геополитически воссоздала Золотоордынское государство XIII—XIV веков. Сама принадлежность к ордынской геополитической системе и сопряженность с ней красной нитью проходят в русской истории последних веков.

Исключительное значение Золотоордынского государства в русской истории сопоставимо с не менее исключительным значением империи Карла Великого в истории Европы. Евразия есть *orbis terrarum* русской культуры, «вселенная» русской истории. Основной континентальный массив Старого Света в определенном смысле есть «монголосфера», объединенная в свое время на 9/10 монгольским государством XIII–XV веков.

Заключение. Евразийцами была исторически осуществлена радикальная попытка переосмысления оснований русской истории и культуры, реализованная в конструировании их новой генеалогии. Евразийцы явились модернизаторами «русской идеи», предложив ее интерпретации в контексте социально-политической практики начала XX века. Оставаясь во многом противоречивыми и неоднозначно трактуемыми, данные интерпретации тем не менее актуальны для современности своим идеологическим посылом, содержащим в себе как теоретическое обоснование социального единства, так и практические способы достижения интеграции общества. Модернизация евразийцами «рус-

ской идеи» и истолкование ими ее провиденциального смысла оценивались и оцениваются крайне неоднозначно. Создавая одно, евразийцы разрушали другое. Сама механика евразийского мышления, внутренне тяготеющая к обобщению предельно граничных оппозиций – «разрывов и связей», – стала доминантой его историческо-философских построений. И в этом смысле евразийцы отчасти действительно были «конструкторами деконструктивных понятий», онтологизирующими собственные теоретические конструкции.

Литература

1. Вернадский, Г.В. Монгольское иго в русской истории / Г.В. Вернадский // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. – С. 250–264.
2. Вернадский, Г.В. Два подвига св. Александра Невского / Г.В. Вернадский // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. – С. 227–249.
3. Савицкий, П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
4. Вернадский, Г.В. Начертание русской истории / Г.В. Вернадский. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 368 с.
5. Мяло, К.Г. Между Западом и Востоком: опыт геополитического и исторического анализа / К.Г. Мяло. – М.: Изд-во Соловьев, 2003. – 224 с.
6. Трубецкой, Н.С. О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – С. 141–162.

Поступила в редакцию 09.02.2016 г.